

Суверенитет и легитимность

Европейское международное право и новый мировой порядок

Валентин СТАРИЧЁНОК,
кандидат исторических
наук, доцент

В последнее время особую актуальность и злободневность приобретает проблема суверенитета. Констатируется, что в стремительно меняющемся мире уже невозможно строить политику, руководствуясь тем понятием суверенитета, которое ранее имело самостоятельное и четко определенное значение. Активно продвигают эту идею Соединенные Штаты Америки, и, кажется, они больше всего заинтересованы в переопределении, а то и деконструкции старой политической лексики.

За прошедшие после завершения холодной войны десятилетия постоянно звучит тема односторонней политики и империализма США, говорится об их стремлении установить однополярный мир, об агрессиях Вашингтона и теориях управляемого хаоса. Конечно, это так и есть. Но когда читаешь написанное русскоязычными авторами, создается ощущение безысходности и неспособности влиять на происходящие в мире процессы. Сами того не замечая, мы используем устаревший и не отвечающий современным реалиям дискурс. Иначе говоря, по-прежнему рассматриваем мировую систему в контексте множества суверенных государств, каждое из которых имеет одинаковые права на международной арене и которым гарантировано сохранение их суверенитета.

Типичный пример – усилия российской дипломатии уладить иракскую проблему, о

которых рассказывает российский государственный и политический деятель, выдающийся ученый-востоковед Евгений Примаков [1; 2; 3]. Читая его книги, поражаешься, насколько безрезультатными и бесполезными оказались призывы Москвы к мирному диалогу. Ни в 1998, ни в 2003 году Россия не повлияла на решение Вашингтона атаковать Ирак, а мнение Кремля, в сущности, проигнорировали. Будучи предельно корректным, российский дипломат лишь сетует на то, что из-за ошибочных ожиданий администрации Буша-младшего Ирак был ввергнут в гражданскую войну. «В Белом доме, – пишет Примаков, – исходило из того, что послевоенное обустройство Ирака не будет представлять особых трудностей». Чего стоит его беседа с советником по национальной безопасности Кондолизой Райс! На ремарку: «Вторгаясь в Ирак, вы совершаете историческую ошибку» она уверенно ответила: «Если мы ударим, то у нас все продумано». «Ничего продумано не было», «А мы же предупреждали», – вздыхает кадровый дипломат [1, с. 337]. Подобные ремарки производят угнетающее впечатление, в особенности если речь идет о высокостатусной державе, какой хочет быть Россия. Вашингтон целенаправленно проводил такую политику, которая шла вразрез с интересами Москвы. Поэтому журить Соединенные Штаты за совершенные ими действия бессмысленно: там хватает своих критиков внешней политики. Объяснение нынешних

ОБ АВТОРЕ

СТАРИЧЁНОК Валентин Васильевич.

Родился в 1979 году в г. Минск. Окончил Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (2001), аспирантуру БГПУ (2007), факультет социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (2007).

В 2001–2003 годах работал учителем истории в Ш № 131 г. Минска. С 2003 по 2004 год – преподаватель кафедры всеобщей истории БГПУ. С 2008 года – преподаватель, с мая 2010 года – доцент кафедры истории древних цивилизаций и средневековья, с мая 2015 года – доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ. Кандидат исторических наук (2010), доцент (2012).

Автор 45 научных работ.

Сфера научных интересов: внешняя политика США после холодной войны.

политических процессов и действий США на мировой арене через стремление мирового лидера к гегемонии и установлению контроля над ресурсами планеты упрощенно и слишком плоско. Понятно, что любая держава, оказавшись она в роли Соединенных Штатов, стремилась бы к тому же самому. Поэтому проблему следует рассматривать в другом измерении. Поможет разобраться в происходящих процессах привлечение философского материала, в частности, работа французского мыслителя А. де Бенуа [4]. Главная идея философа заключается в том, что США после холодной войны получили возможность в полной мере реализовать декларировавшийся на протяжении всей их истории лозунг об избранности и мессианской роли страны в мире. В результате произошли смещение акцентов в подходах к международным делам и переоценка традиционных норм ведения войн и европейского международного права.

Классический европейский подход предполагает равенство между государствами. Исходя из этого, во-первых, враг признается сувереном. Отсюда уважение воюющими сторонами друг друга и недопустимость квалификации противника как преступника. Поэтому целью войны не должно быть «свержение суверена» или «изменение режима». «На Земле не может быть власти, у которой было бы право судить суверена» – максима, являющаяся основой международного права. Во-вторых, понятие врага предполагает четкость и определенность. Критерием определенности служит государство и представляющая его власть. Поэтому только государства имеют право воевать друг с другом. Ведение войн регулируется правилами, накладываемыми на воюющие стороны ограничения. Это позволяет вписать войны в такие рамки, когда взаимное уничтожение неприятелей невозможно [4, с. 35–40].

Две стороны одной медали

После завершения холодной войны новый враг США не то что не определился, но даже и не предвиделся в ближайшем будущем. Поэтому следовало переформулировать стоявшие перед Соединенными Штатами внешнеполитические задачи. Администрация Б. Клинтона вынесла на повестку дня в 1990-х годах две вроде бы безобидные

идеи, заложившие новое видение международных отношений. Во-первых, объявлялась желательность повсеместного продвижения демократии, провозглашенной наилучшей формой государственного устройства. «На смену доктрины сдерживания, – сказал советник президента по национальной безопасности Э. Лейк в сентябре 1993 года, – должна прийти стратегия расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств» [5, с. 31]. Во-вторых, внимание концентрировалось на гуманитарных интервенциях – интервенциях, направленных на обеспечение безопасности затронутых внутренними конфликтами людей. Появившаяся концепция «безопасности человека» предполагает вместе с физической безопасностью также и политическую, экономическую, экологическую, медицинскую, продовольственную и т.д. [6, с. 26–27]. В конечном счете эти идеи переплелись настолько тесно, что стали двумя сторонами одной медали. Декларировалось, что в полной мере «безопасность человека» обеспечена только при демократическом строе. Поэтому приоритетной задачей интервенции оказалась не материальная помощь, а государственное строительство, или строительство нации, под которыми понималась демократизация с устранением мешавших этой демократизации сил. Таким образом, гуманитарные интервенции скрывали за собой своего рода патерналистскую политику сильных государств по отношению к слабым, нивелируя тем самым идею равенства суверенов.

Но подобная политика ведет к переопределению термина «суверен». Оказывается, что суверен – это не правитель, а предъявляющее все более высокие требования к собственному правительству гражданское общество. Таким образом, недемократические режимы заносятся в разряд нелегитимных и превращаются в «несуверенов». В политическом дискурсе они стали олицетворять силы Зла («государства-изгой» или «проблемные государства»), которые противостоят всему «Человечеству». В свою очередь, «демократы» объявили себя посланцами Добра и узурпировали право выступать от имени человечества в целом. В результате состоялся откат к религиозному типу войн, в рамках которых поражение противника не считается достаточным наказанием, переговоры с противником не осуществляются, а война ведется до победного конца, то есть тотального истребления выведенного за пределы человечества Зла. Оппоненты превращаются в «не-людей» в терминологии немецкого философа К. Шмитта, а «цивилизованное» сообщество ставит цель не договориться с ними, а уничтожить. «Против того, кто находится вне человечества, – пишет Бенуа – все средства дозволены... Враг становится не... противником, который завтра мог бы превратиться в союзника, а... преступником, которого требуется наказать». Любая война с персонифицированным Злом, несмотря на формально благие и привлекательные цели, – самая бесчеловечная форма войны. По мнению философа, она позволяет «не только вмешиваться в международные дела суверенного государства... но также ограничивать свободы, открывать лагеря, в которых содержатся пленные, лишены всякого юридического статуса, бомбардировать гражданское население, разрушать промышленную инфраструктуру, использовать пытки, напалм, белый фосфор, снаряды с обедненным ураном, осколочные бомбы, противопехотные мины и т.д.» [4, с. 46–49]. Соответствующая логика усиливается геополитическим измерением. Соединенные Штаты рассматриваются в качестве морской державы, ключевым компонентом внешней политики которой является торговля и рынок. Отсюда и особенности военной стратегии сверхдержавы, нацеленной на то, чтобы нанести как можно больший урон не только вражеской армии, но еще и

торговле, и экономике противника, ставя тем самым под удар гражданское население [4, с. 145].

Вместо разработанных в XX веке теорий суверенитета, строившихся на принципе невмешательства во внутренние дела других государств, предлагается идея «суверенитета как ответственности». Она продвигается через концепцию «Обязанность защищать» (R2P). Данная концепция была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 году и окончательно сформулирована в докладе Генерального секретаря Пан Ги Муна от 12 января 2009 года. Руководству страны вменяется в обязанность «защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Если оно с этим не справится, то ответственность делегируется международному сообществу, которое должно защитить (через Совет Безопасности и согласно Уставу ООН) находящееся под угрозой население [7]. Одновременно настаивается на целесообразности диалога с вооруженной оппозицией через структуры ООН и общественные организации, якобы направленного на предотвращение дальнейших злоупотреблений.

Имеются серьезные основания опасаться, что концепция R2P будет использована не ради решения действительно насущных проблем, а в качестве повода для интервенции, что официальные контакты с боевиками легитимизируют террористов и придут им статус равноправных участников политических процессов. Именно горячие точки становятся теми местами, где Соединенные Штаты пытаются максимально расширить свое влияние. Администрация Обамы делает это в Сирии, активно используя при этом риторику гуманитарных интервенций. Но уж больно часто «защита» Вашингтона не останавливала, а провоцировала всплеск насилия. А в Ираке ситуация настолько вышла из-под контроля, что США до сих пор не могут ликвидировать последствия своего вмешательства. Поэтому не вызывает никакого удивления, что к R2P скептически отнеслась так называемая «Группа 77» – крупнейшая межправительственная организация развивающихся стран, включающая в себя 130 государств [6, с. 37–38].

Зато в США эти веяния нашли позитивное отношение. Пример тому – бывший советник по национальной безопасности

З. Бжезинский, настаивавший на переопределении понятия суверенитет [8, с. 289]. «Слабеющее государство не может управлять своими гражданами и обеспечивать им то, что государство должно обеспечивать» – вторил ему другой бывший советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт [8, с. 40]. Речь идет не просто об умозрительном конструкте, а о концепции, которая тут же была включена в военную доктрину сверхдержавы. В обнародованной в марте 2005 года Национальной оборонной стратегии США на первой же странице указывается на недопустимость использования отдельными государствами принципа суверенитета в качестве оправдания тех действий, которыми они угрожают собственным гражданам, соседям и международному сообществу. Таким образом, провозглашенная администрацией Буша-младшего тремя годами ранее доктрина превентивной войны обогатилась новым содержанием. В качестве объектов превентивной войны фигурировали так называемые «проблемные государства» – те государства, которые враждебны американским принципам, подрывают региональную стабильность и угрожают интересам Соединенных Штатов. Сфера использования превентивных действий была расширена: они допускались также и ради защиты или восстановления власти дружественных США правительств [9, с. 1, 4, 8, 10].

Агентами, или субъектами борьбы против «не-суверена» выступают недовольные своим положением и подогреваемые через социальные сети граждане собственной страны (строители демократии), которых поддерживает западное сообщество. В результате нарушители порядка и возмутители спокойствия, которые с точки зрения классического права подлежат наказанию (как посягнувшие на власть суверена), оказываются в привилегированном положении (с точки зрения нового права). Зная, что поддержка сильных держав обеспечена, они действуют более уверенно и цинично и требуют, чтобы им отдали власть. Наконец, они берутся за оружие и начинают войну против правителя. При этом многочисленные провокации, факты нарушения прав человека, насильственного перемещения мирного населения и мародерства с их стороны Запад игнорирует. Сторонники же старого уклада попадают в разряд «не-людей» и обвиняются

в стремлении расстроить или затормозить процесс государственного строительства. До тех пор, пока они не перебегут в лагерь «демократов», они находятся «вне закона» с точки зрения нового порядка, и что бы ими ни предлагалось, с ходу отвергается.

Различие между гражданским населением и военными стирается. «Революционеры», хотя и являются субъектами войны и уничтожают противника, делают это не по призыву власти, а добровольно и против власти. Их профессиональный и социальный статус не позволяет причислить их к военным, и они продолжают считаться мирным населением. А вот правительственная армия однозначно состоит из военных. Согласно логике нового порядка, складывается такая ситуация, когда противники занимают одним и тем же – воюют друг против друга, но одни приписываются к мирным жителям, а другие – к военным. Как мирные жители, «революционеры» попадают под особую защиту своих покровителей. Профессиональная же армия находится в крайне невыгодном положении и получает обвинение в использовании вооруженной силы против гражданского населения. Приоритетная цель при таком раскладе со стороны международного сообщества определяется как наказание преступника, напавшего на якобы невиновных. Наказание – устранение правящей элиты от власти и привлечение ее к уголовной ответственности. В свою очередь, вооруженная оппозиция ставится в зависимость от Запада, так как в любой момент ей можно предъявить обвинение в терроризме, тем самым стравив ее политическое измерение, и записать в список преступников-террористов.

И здесь происходит самое важное. Свержение правителей ничего не меняет. Люди, которых на улицу вывели объективные обстоятельства, чаще всего – желание улучшить уровень жизни и достигнуть такого же материального благосостояния, как на Западе, и которые искренне считали, что этот процесс тормозят их правители, не стали жить лучше. Приведем один пример – Египет, где в ходе «финиковой революции» был свергнут 82-летний президент Х. Мубарак. Следующий день после его отставки ознаменовался примечательными с точки зрения распространения демократии событиями – отменой Конституции и роспуском парламента. К власти пришли военные в лице

Высшего совета Вооруженных сил (ВСВС). Во главе этой структуры находился египетский министр обороны генерал Х. Тантави, по словам американских дипломатов – «твердолобый консерватор, который еще больше, чем Мубарак, нацелен на сохранение статус-кво». ВСВС получил практически неограниченную власть, а серия «переходных» законов предоставила армии, помимо всего прочего, иммунитет от судебного преследования и право вето на «противоречащие высшим интересам страны» положения Конституции [10, с. 255–256, 300–309]. Ставшего летом 2012 года президентом представителем «Братьев-мусульман» М. Мурси в июле 2013 года отстранили от власти, а в сентябре 2013 года «Братья-мусульмане» были запрещены.

Если установление демократии оборачивается хунтой, то стоит ли затраченная на свержение «диктаторов» цена достигнутого результата? Особенно актуален этот вопрос для Сирии, где с 2011 года идет направленная на свержение президента Б. Асада кровопролитная война. На декабрь 2014 года в Сирии имелось 200 тыс. трупов и 10,8 млн беженцев [11]. В октябре 2015 года в конгрессе США говорили уже о 250 [12, с. 11, 41] и даже 300 тыс. [12, с. 2] погибших, о миллионе раненых и о беспрецедентном числе беженцев: 7,6 млн перемещенных внутри государства лиц и более 4 млн убежавших в соседние страны (при населении в 22 млн) [12, с. 2, 11, 41]. За что

пострадали эти люди? Разве они погибли ради военной диктатуры или исламской теократии? Нет, они хотят создать эффективно работающую на нужды всего народа демократию. Но многочисленные примеры демонстрируют, что надежды осуществить это призрачны и утопичны. Да, мы видим «пробуждение» народов, но мы не видим демократии.

Вернемся к понятию суверена. С одной стороны, если бы за Асадом признавался статус суверена, то ему была бы гарантирована неприкосновенность. Не опасаясь повторить судьбу Хусейна или Каддафи, он мог бы уступить власть «демократам». С другой стороны, как суверену, ему бы гарантировалось невмешательство (по крайней мере, открытое) во внутренние дела государства извне. Тогда он наверняка бы быстро подавил инакомыслие. Но в таком случае сирийский народ остался бы «непробужденным». Какой вывод? Если «пробуждение» ведет к реальному улучшению положения дел и установлению более эффективной политической системы, то это может быть основанием и аргументом в пользу навязывания демократий, гуманитарных интервенций и т.д. Но это не так. Происходит не что иное, как большой социальный эксперимент, а цена такого эксперимента – гибель тысяч людей. До этого подобные эксперименты американцы ставили в Латинской Америке. Получили ли народы Латинской Америки ощутимые выгоды? Ответ очевиден.

А какие выгоды от этого имеет Запад? Волей-неволей создается серия прецедентов, позволяющих заменить старое международное право новым раскладом. Удобным методологическим инструментом для его описания является терминология американского социолога И. Валлерстайна, рассматривавшего мир сквозь призму стран ядра и периферии. Статус суверена сохраняется за странами ядра. Принадлежность к ядру определяется не просто наличием демократической политической системы, но работающей и дееспособной системы, которая обеспечивает потребности и нужды народа. Периферия – это государства, где демократии нет или она не работает. Подобный демократический детерминизм превращает прочие ценности в виде культуры, религии, традиции и уклада в надстройку, имеющую небольшое значение сравнительно с такими универсальными

▼ Разрушенные жилые дома в Сирии. 2012 год

и неизбежными процессами, как демократизация (политика) и глобализация (экономика) – базисом нового порядка.

Так как на страны периферии статус суверена не распространяется, то определяют легитимность их власти те «игроки», которые включены в ядро. Они же устанавливают критерии демократии и распределяют государства по оси «демократия – недемократия». Аналогичным образом распределяется власть между международными организациями. Поскольку ООН включает в себя суверенов и «не-суверенов», то из арбитра международных отношений она превращается в наблюдателя и соучастника – в огромное и многофункциональное приложение нового мирового порядка. Субъектом международных отношений становятся договорившиеся между собой страны ядра и НАТО с все более расширяющейся компетенцией и зоной ответственности.

Очевидно, что арбитром при новом порядке, в случае создания такового, будут США. В силу их исключительности на них не станет распространяться ни международное право, ни международный суд, ни международные обязательства. Уже сейчас налицо стремление США в одностороннем порядке решать, кого причислить к суверенам, а кого нет, какие ситуации признать чрезвычайными и требующими чрезвычайных мер, а какие нет, когда нарушение международного права допустимо, а когда нет. Речь здесь уже не о политике двойных стандартов, а о юридическом праве устанавливать новые стандарты. «Характеристика мира в терминах полюсов силы будет становиться все менее и менее адекватной. Она не только не будет верно описывать структуру мира, но и мало что нам даст для выбора образа действий, необходимого для достижения наших целей», – заключает Б. Скоукрофт [8, с. 41].

Места в строящемся миропорядке «не-суверенам» нет. В результате они образуют из себя как бы автономные политические системы (с точки зрения нового порядка квазисистемы) и противопоставляются враждебному им внешнему миру. Если так, то взамен валлерстайновского подхода, оперирующего категориями одной системы (ядро – периферия), можно предложить взгляд немецкого социолога Н. Лумана, использующего дихотомию «система – внешний мир». В контексте нового

порядка лумановская методология кажется более радикальной, так как система принципиально отлична от окружающего мира, если не чужда ему. Направленная вовне и олицетворяющая систему нового порядка экспансия западного Левиафана стремится поглотить окружающий мир и создает удобные для этого правила. Когда мы анализируем происходящее, то часто сводим многое исключительно к полю политического, в рамках которого всегда можно договориться. Но забываем как минимум о двух вещах. Во-первых, о цивилизационном порыве фаустовской (западной) цивилизации к предельной экспансии самой себя за счет окружающего мира. Во-вторых, о биологическом стремлении одного организма к пожиранию другого. Трудно сказать, имея в виду долгосрочную перспективу, улучшат ли действия Запада окружающий мир. Краткосрочные же результаты осуществленного в отношении других государств демократического проекта не дают оснований для оптимистичных прогнозов. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. – 2-е изд., доп. – М.: Российская газета, 2012. – 413 с.
2. Примаков, Е.М. Минное поле политики / Е.М. Примаков. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 360 с.
3. Примаков, Е.М. Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак / Е.М. Примаков. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Пирогов, 2003. – 198 с.
4. Бенуа, А. де. Карл Шмитт сегодня / А. де Бенуа; пер. с фр. С. Денисова. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – 192 с.
5. Лейк, Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» / Э. Лейк // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 3. – С. 29–38.
6. Коэн, Р. Массовое перемещение в результате конфликтов и одностороннего насилия / Р. Коэн, Ф.М. Денг // Ежегодник СИПРИ 2009: вооружения, разоружения и международная безопасность / пер. с англ.; Стокгольмский международный институт исследований проблем мира; ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 1–40.
7. Выполнение обязанности защищать: Доклад Генерального секретаря, 12 января 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 15.04.2015.
8. Бжезинский, З., Скоукрофт, Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт; пер. с англ. И.Е. Добровольского. – М.: Астрель, 2012. – 317 с.
9. National Defense Strategy of the United States of America, March 2005. – Washington: US GPO, 2005. – 20 p.
10. Терентьев, А.А. Эпоха Обамы: наши интересы в Белом доме / А.А. Терентьев. – М.: Алгоритм, 2012. – 400 с.
11. Testimony of the U.S. Agency for International Development assistant administrator Nancy Lindborg, December 9, 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Lindborg_Testimony.pdf. – Date of access: 10.12.2015.
12. United States. Congress. House of Representatives. Committee on foreign affairs. Subcommittee on the Middle East and North Africa. Examining the Syrian humanitarian crisis from the ground (part I). Hearing before the Subcommittee on the Middle East and North Africa, October 8, 2015. – Washington: US GPO, 2011. – 65 p.